

МАРСЕЛЬ МОСС И РОЖДЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Сложно представить себе человека более непохожего на Малиновского, чем Марсель Мосс. Жизнелюб и упрямый холостяк, последний из великих кабинетных антропологов, дальним странствиям предпочитавший уютную квартиру в Париже, большой эрудит и вечный студент — кроме интереса к дарообмену, Мосс ходил на Малиновского только в двух отношениях. Во-первых, как и Малиновский, Мосс стремился утвердить новую научную дисциплину как истинно позитивную и серьезную (правда, наукой этой была не антропология, а социология), а во-вторых, на определенном этапе своей жизни он также поставил во главу угла разработку и обучение методу полевого исследования. Есть, пожалуй, и третье большое сходство — с фигурой Мосса также было связано огромное количество мифов, с годами скрывших, затерших и переписавших воспоминания о нем, превратив его из реального человека в легендарного покровителя экономической антропологии реципрокности. В первой четверти XX века во Франции он действительно стал одной из самых значимых персон в социальных науках, занимавшихся исследованием туземных и архаических сообществ. Сотнями поступали к нему просьбы о рекомендациях от студентов и молодых ученых, Мосс даже стал вторым лицом фонда Рокфеллера в Париже, финансировавшего антропологические исследования. При Дюркгейме Мосс был одним из ос-

новых авторов «L'Année sociologique» — знаменитого французского периодического издания в области социальных наук тех времен, а после смерти Дюркгейма превратился в главу журнала. Получив место в Коллеж де Франс, Мосс выступил одним из основных популяризаторов эмпирической социологии, обучив целое поколение полевых исследователей — Гриоля, Ривьера, Метро, Сустеля и многих других, сформировавших французскую полевую антропологию первой половины XX века. С приходом Мосса в Коллеж де Франс туда открылась дверь и для десятка профессоров, изучавших социологию, антропологию, этнографию и историю. Слава об энциклопедических знаниях Мосса пересекала границы и океаны. Фрэзер, автор «Золотой ветви», вдохновившей столь многих на занятия антропологией, во время своих визитов в Париж неизменно обедал с Моссом, знаменитый американский экономист Селигман попросил Мосса принять участие в написании «Энциклопедии социальных наук» (на что у Мосса, как часто бывало, не хватило времени). Наконец, «Очерк о даре» Мосса до сих пор остается одной из самых известных и цитируемых работ по экономической антропологии. Как же получилось, что такой огромный научный вес приобрел человек, так и не защитивший диссертации, доводивший коллег до исступления своей безбрежной прокрастинацией и не проведший ни одного полноценного самостоятельного полевого исследования? В этой главе мы попробуем в этом разобраться.

Общим местом в коротких биографических заметках о Моссе стало упоминание о том, как он посвятил себя изданию трудов товарищей, погибших на Первой мировой войне, а потому его собственное письменное наследие вышло весьма скромным. Однако более подробные исследования, например, поражающая объемом проделанной работы интеллектуальная биография Мосса, написанная Марселем Фурнье²⁶, рисуют совсем иную картину. Во-первых, Первая мировая война застала Мосса уже в весьма зрелые годы — ему перевалило за сорок и значительного интеллектуального влияния он к тому времени уже достиг. Он в самом деле посвятил определенное время изданию

26 Fournier M. Marcel Mauss, a Biography. Princeton University Press, 2006.

работ других людей, в первую очередь — Герца, Юбера и, конечно, Дюркгейма, однако нельзя сказать, что эта деятельность была парализующей собственную карьеру Мосса.

Во-вторых, рисуемый иногда портрет флегматичного кабинетного ученого также едва ли выдерживает испытание фактами. В молодости Мосс был активным, спортивным человеком, любил долгие прогулки по горам, занимался бегом, плаванием и боксом и, если верить Фурнье, в какой-то момент всерьез подумывал податься в лесорубы из-за большой любви к жизни на лоне природы. Позднее, по воспоминаниям студентов и коллег, Мосс был открытым, артистичным человеком, любившим бурную Парижскую жизнь. Всё это едва ли вяжется с созданным посмертно образом кабинетного ученого, греющегося у камина и изредка выбирающегося за пределы университетской библиотеки. При этом публичная личность Мосса, его жизнь за пределами науки, оказала большое влияние на его исследования. Научные взгляды Мосса во многом отражали его личные отношения и убеждения, и, рассматривая создание французской школы экономической антропологии, необходимо сказать о двух главных источниках влияния: социологии Дюркгейма и французском движении социализма. В первой части этой главы мы познакомимся с биографией Мосса и узнаем, что подтолкнуло его написать «Очерк о даре», а во второй — поговорим о самом очерке и постараемся разгадать загадку его притягательности, завораживающей исследователей экономической антропологии вот уже почти сотню лет.

Марсель Мосс родился в 1872 году на северо-востоке Франции в Эпинале — живописном небольшом городке близ Эльзаса, растянувшимся на несколько километров вдоль реки Мозель. Родители Мосса никак не были связаны с академической средой — до свадьбы отец торговал текстилем, а мать занималась вышивкой, и после свадьбы они весьма разумно объединили свои начинания, начав продавать расшитые вручную ткани. У тробрианцев, которых подробно описал Малиновский, брат матери учил детей магии и передавал им знания о самых важных ритуалах. Так и в случае с Моссом — с тайнами научного мастерства его познакомил брат матери, основатель социологии Эмиль Дюркгейм.

Дядя был, пожалуй, самой значимой фигурой в жизни Мосса. Старше его на 14 лет, Дюркгейм был одновременно другом, наставником и коллегой. На первых этапах карьеры образ Мосса был практически не отделим от Дюркгейма, даже в письмах к друзьям иногда подписывался просто «племянник»²⁷ и постоянно ссылался на дядю, которого называл коротко «Д.». Сохранилась обширная переписка между Моссом, Дюркгеймом и матерью Мосса, которую проштудировал Фурнье. В ней Дюркгейм предстает поистине всепоглощающей фигурой, требовательным, жаждущим полного внимания, но при этом глубоко привязанным к племяннику человеком, ценившим его научные заслуги. Когда Дюркгейм готовил свое исследование феномена самоубийства, *opus magnum* французской социологии, именно Мосс каталогизировал и обработал огромный статистический материал по случаям суицидов в Европе, на долгие годы заразившись любовью к эмпирическим данным и статистике в социологии. Несмотря на то что Дюркгейм постоянно критиковал Мосса за леность, срыв всех возможных сроков и неумение вести дела, их связывали теплые и близкие отношения, а наполненное отчаянными поторапливаниями Дюркгейма научное сотрудничество не прерывалось до самой его смерти. Возможно, дополнительным источником для крепости этого сотрудничества была определенная конфронтация с окружающими, в которой они оба оказались. Оба выросли в религиозной среде — по материнской линии Мосс был из семьи потомственных раввинов — но при этом оба не были религиозны. Оба питали интерес к религии как объекту исследования, и создание социологии религии сразу же настроило против них более традиционных ученых-теологов, увидевших в новой дисциплине нападки на христианство и попытки уподобить его примитивным религиям. Разделить Мосса и Дюркгейма — одна из задач этой главы, и задача эта не из простых, так как говорить о Моссе, не упомянув Дюркгейма, — всё равно что не включить в путеводитель по Парижу Эйфелеву башню.

В 1890 году Мосс отправился изучать философию и право в университет Бордо (где работал Дюркгейм). Там он познакомился

27 Fournier M. Ibid. P. 9.

с профессорами Альфредом Эспинасом и Октавом Гамеленом, оказавшими большое влияние на формирование его последующих научных взглядов. Во многом от них Мосс перенял интерес к эволюционизму, сторонником которого был Эспинас, и отношениям в сообществе, которыми занимался Гамелен. С Эспинасом он сохранил теплые, дружеские отношения на долгие годы, несмотря на открытую неприязнь Дюркгейма к этой дружбе — Эспинас однажды увел у Дюркгейма профессорский пост, и тот не мог ему этого забыть. В университете Мосс увлекся изучением философии, истории и этики и, получив степень бакалавра, решил продолжить обучение и приобрести степень *агреже* по философии — специальное французское звание, близкое к званию магистра и дающее право преподавать в школах и лицеях. Для подготовки к соисканию этой степени, *aggregation*, Мосс посещал лекции в Сорбонне и в университете Бордо, и в 1895 году успешно сдал экзамен. В то же время он определился и с темой будущей докторской диссертации — в качестве главного исследовательского вопроса, после некоторых размышлений, он выбрал социологию и антропологию молитвы, впоследствии сузив тему до устных ритуалов. Над этой диссертацией он будет работать будущую часть своей жизни, доводя до исступления своих родных, умолявших поскорее дописать ее и наконец защитить, — и так никогда и не закончит.

Исследование молитвы Мосс намеревался предпринять в рамках социологии религии, которую Дюркгейм в то время пытался вывести на научную арену. Дюркгейм предлагал пересмотреть классический подход к изучению религии с помощью нескольких революционных идей. Во-первых, религия рассматривалась как социальный факт, переставала быть предметом сакральных теологических изысканий и изучалась как любой другой институт в обществе. Во-вторых, для ее изучения необходимо было использовать эволюционный подход. Дюркгейм, а затем и Мосс подчеркивали, что необходимо изучать историю религии, ее развитие, сравнивать современные религиозные учения с их предшественниками и с верованиями туземных сообществ. Идея «социального факта» и необходимость сравнительного анализа были фундаментом и корпусом новой социологии Дюркгейма, так что

в рамках его научного развития ничего удивительного в таком подходе не было. Но нетрудно догадаться, что во Франции конца XIX века, где католические традиции теологии дополнялись продиктованным колониальной этикой отношением к туземным и архаическим сообществам, такие идеи вызвали множество споров. В какой-то момент эти научные взгляды едва не стоили Моссу места в Коллеж де Франс, когда на выборах на должность профессора мощная коалиция противников социологии религии несколько раз подряд не давала голосованию склониться в его пользу. Однако в 1895 году Мосс об этом, конечно, не мог еще ничего знать, и со свойственным двадцатитрехлетним людям апломбом составил амбициозный план изучения социологии молитвы, проникнуть в тайны которой он собирался всего за несколько лет.

Первым делом Мосс обратился к Сильвену Леви, главному французскому специалисту по Индии и санскриту, настоящей звезде научного мира того времени. Леви стал профессором высшей школы в двадцать три года, а в тридцать один получил место в Коллеж де Франс — неслыханная честь, говорящая об исключительных достижениях. На первой же встрече с Леви Мосс объявил, что за три года напишет диссертацию о молитве и начнет работу с изучения индийских вед (хотя на тот момент даже не знал санскрита). Леви скептически отнесся к такой самоуверенности и предложил Моссу для начала прочитать монументальную «Религию вед» Абея Бердена. Леви, возможно, надеялся, что наглец испугается и никогда не вернется, однако Мосс одолел ее за три дня, заявив: «Если Берден прав, все остальные ошибаются. Я намерен это выяснить»²⁸. Леви был покорен, и встреча стала началом многолетней дружбы.

Для подготовки диссертации Мосс в 1897 году переехал в Париж, чтобы в Практической школе высших наук изучать историю, филологию и религию²⁹. Здесь, благодаря влиянию Антуана Мейлетта, укрепилась привитая еще Дюркгеймом любовь к сравнительному методу,

28 *Fournier M. Ibid. P. 42.*

29 *Ibid. P. 37.*

а Леон Мариллье помог Моссу продвинуться в исследовании религии. Не менее важной была и завязавшаяся дружба с Анри Юбером, тогда таким же молодым исследователем, а в будущем — крупным специалистом в области археологии и истории религии, — которой будет суждено перерасти в многолетнее сотрудничество и множество совместных работ. В Практической школе высших наук Мосс показал себя как блестящий исследователь, и в 1900-м его сначала пригласили подменить уехавшего в Сайгон лектора, а в 1901-м предложили постоянное место преподавателя. Юбер незадолго до этого также устроился туда работать, и Практическая школа высших наук на долгие годы стала одним из центров социологической мысли Франции. Только спустя тридцать лет Мосс оставит ее ради Коллеж де Франс, в котором проработает до самой смерти.

Во время обучения в Практической школе Мосс обнаружил в себе исключительно неудобное для будущего любителя этнографии качество — оказалось, что ему совершенно не нравится путешествовать. Если Малиновский рвался в поле и стремился как можно скорее лично встретиться с племенами, которые изучал, Мосс наслаждался своей жизнью во Франции и покидать ее не спешил. В начале подготовки диссертации ему подвернулась возможность провести полевое исследование в Алжире, и все, включая обычно осторожную мать, призывали его согласиться, но Мосс медлил и в итоге отказался. Научная поездка по Европе тем не менее негласно считалась тогда обязательной составляющей подготовки диссертации, и в 1897 году Мосс вынужден был согласиться на небольшое путешествие по Голландии и Великобритании.

С первых дней поездки Мосс разочаровался в предпринятой авантюре. Несмотря на то что в его первой остановке — университете Лейдена — Мосс познакомился с ведущими специалистами по социологии религии того времени, Керном, Тилем и Каландом, Нидерланды произвели на него гнетущее впечатление, и он быстро заскучал по привычной светской и интеллектуальной жизни Франции. Проведя в Лейдене несколько месяцев, Мосс с облегчением отправился в Оксфорд, землю обетованную для любого молодого специалиста по туземным сообществам. Здесь был шанс увидеть вживую Тайлора, Фрэ-

зера и Мюллера, главные фигуры британской и, возможно, мировой этнографии тех времен.

Из душных салонов Парижа Мосс попадает в новую среду, где антропологи уже начинают активную полевую деятельность, где идеи не засиживаются на бумаге, а проверяются в дальних экспедициях, а затем вместо курительных комнат Парижа обсуждаются в свежепроветренных кабинетах. По сравнению с привычной Моссу французской социологией, британская антропология того времени была куда конкретнее, ее предмет был четко определен, и она уже тогда значительно больше опиралась на эмпирические данные. Хотя на большой сцене антропологии еще не было Малиновского с его полевым методом, краткосрочные полевые исследования Хаддона, Гиллена и других начинали играть важную роль, и описанный в первой главе кризис кабинетной антропологии в Великобритании был замечен большинству ученых, а некоторые уже даже пытались как-то его решить.

В Оксфорде Мосс по-прежнему интересовался в основном религией, сосредоточившись на обсуждении данных о примитивных верованиях и их истоках. Ему удалось завязать теплые приятельские отношения с несколькими британскими коллегами, самые важные, возможно, с Фрэзером, который на тот момент был живой легендой в мире антропологии благодаря своим попыткам обобщить и систематизировать виды убеждений о магии среди туземных сообществ. Несмотря на это, путешествие показало, что искателя приключений из Мосса, похоже, не выйдет. Его утомляли новые знакомства, он скучал по дому, к тому же ему в целом не нравилась идея организованной напряженной работы, неизбежной при краткосрочных научных стажировках. Чувствуя себя чужаком вдали от дома, Мосс жаловался Юберу, что год странствий, который должен был стать годом новых знакомств, жизни и развлечений, стал годом одиночества и тоски³⁰. Скептическое отношение к прелестям путешествий Мосс сохранил на всю жизнь, став последним из великих кабинетных антропологов.

В самом начале подготовки диссертации двадцатичетырехлетний Мосс потерял отца, и без того напряженное финансовое положение

стало угрожающим. Очевидным решением казалось найти работу — тем более что степень агреже позволяла ему преподавать в лицее, а лучший друг Юбер, выходец из куда более состоятельной семьи, вполне успешно совмещал учебу с работой библиотекарем. Но после семейного совета Мосс решил полностью сосредоточиться на исследовании молитвы и, за исключением небольшой стипендии, остался зависимым от денежной поддержки матери. Положение было тем более деликатным, поскольку Мосс, иногда писавший статьи и рецензии на книги, в Париже вел весьма бурную светскую жизнь. Письма матери к нему полны тревог и укоров в том, что сын слишком долго бездельничает по утрам, читая газеты, а по вечерам все время гуляет с друзьями. К чести Мосса можно заметить, что он прекрасно отдавал себе отчет в своих недостатках, после блестящей сдачи экзамена назвал себя «худшим прокрастинатором в мире»³¹, а однажды и вовсе заявил Юберу: «Время, которое ты сейчас растрачиваешь, не пользуясь преимуществами своей молодости, никогда уже не вернется»³².

Когда Мосс всё-таки усаживался за письменный стол, то был способен выдавать совершенно потрясающие результаты. В том же 1897 году Дюркгейм создал журнал «L'Année sociologique» — буквально «Социологический ежегодник». Задумка Дюркгейма была потрясающей по масштабу — составить полный обзор всех вышедших за год публикаций, зарекомендовать социологию как самостоятельную дисциплину, заинтересовать ей не только ученых-социологов, но и коллег из других общественных наук и даже широкую публику. Интерес для журнала представляли работы по этнографии, антропологии, истории, праву, экономике и т.д. — все, что могло помочь социологам найти факты для разработки новых теорий или стать аргументом в пользу уже существующих гипотез. Недавние студенты и новоиспеченные кандидаты наук, многих из которых привлек в редакцию Мосс, читали для журнала гигантское количество книг и писали на них рецензии. На тот момент «Анналы», как их стали называть, стали громкой но-

31 Ibid. P. 30.

32 Ibid. P. 53.

винкой, привлечшей внимание не только в Европе, но и за океаном; это было чрезвычайно амбициозное, трудоемкое предприятие, равных которому никогда прежде не существовало, и его члены попеременно впадали в отчаяние от непомерности поставленной задачи³³. Многие, включая Юбера, быстро ставшего негласным лидером молодой части журнала, жаловались, что чувствовали себя погребенными под лавиной в большинстве своем малоценной и монотонной работы. Впрочем, несмотря ни на что, первый номер журнала успешно вышел в 1898 году.

«L'Année sociologique» стал одной из первых полноценных попыток создать по-настоящему междисциплинарное издание, однако у этой попытки было несколько проблем. Во-первых, колоссальные объемы работы, требовавшиеся от участников журнала, фактически перекрывали возможности проведения собственных исследований. Для того чтобы понять, о каких объемах идет речь, достаточно сказать, что Мосс за все время написал для «Анналов» более 450 рецензий, прочитав 10 000 с лишним страниц книг³⁴. По количеству рецензий его обошел лишь сам Дюркгейм, и то на несколько десятков. Это, впрочем, не мешало Дюркгейму постоянно жаловаться на своего племянника, который постоянно срывал все сроки и, по наблюдениям знакомых, чередовал периоды отчаянной лени с временами лихорадочной работоспособности. Если верить сохранившейся переписке, Дюркгейм то и дело жаловался на Мосса всем родным, называл его «варваром» и писал, что тот разбивает ему сердце. В конечном итоге Дюркгейм махнул на племянника рукой, признав: «Мы имеем дело с неизлечимой болезнью, с безнадежным делом. Чтобы как-то уменьшить последствия болезни, я не могу сделать больше, чем уже делаю, а именно: постоянно напоминать ему о его обязательствах»³⁵.

Вторая проблема журнала была связана с тем, что его междисциплинарность в трактовке Дюркгейма была несколько однобокой.

33 Fournier M. Ibid. PP. 64–66.

34 Ibid. P. 68.

35 Ibid. P. 70.

Идея была в том, чтобы собирать как можно больше фактов в других науках, в первую очередь — в этнографии, и использовать их как материал для сравнительного анализа в социологии, которую стремился создать Дюркгейм. Однако сама эта новая дисциплина, ее предмет и границы оставались слишком размытыми, с большим трудом удавалось добиться признания, что социология не является всего лишь направлением философии, ее новой прикладной ветвью, так что смешение сравнительной социологии с другими общественными науками создавало дополнительную путаницу. Мосс и Дюркгейм попытались четче очертить границы социологии, заявив, что она занимается психологией коллектива и изучает «коллективные представления» и «социальные факты», влияющие на эти представления и затрагивающие одновременно разные сферы жизни общества. К сожалению, такое определение оказалось несколько сумбурным. Оно акцентировало отличия социологии от прочих наук, например, от психологии, которая занималась конкретным индивидом, а не коллективом, или экономики, которая изучала одну сферу жизни общества, а не все сразу. Подчеркивая чем социология не занималась, это определение мало говорило о том, чем же собственно социология была. Для развития экономической антропологии, впрочем, эта неточность оказалась полезна — работы Мосса пользуются популярностью как среди социологов, так и антропологов, историков и даже, пусть и значительно реже, экономистов.

Центральным элементом журнала стала социология религии, которой было посвящено около четверти первого номера. На взгляд Дюркгейма, религия была краеугольным камнем, удерживавшем вместе сообщество, и при этом родником, из которого брали начало все прочие институты социальной жизни. Как раз этим разделом журнала и заведовал Мосс, к которому в 1900 году присоединился Юбер. Оба молодых ученых в основном полагались на исторические данные и литературные произведения, считали этнографические источники неточными и недостаточными — возможно, потому что были куда меньше с ними знакомы. Уже в 1898 году они подготовили совместное исследование феномена жертвоприношений, к изучению которого подступились со стороны сравнительной социологии Дюр-

гейма. Как и в изучении суицида, предпринятом дядей, в случаях жертвоприношения Мосс стремился найти общее, вычленив структуру и центральные элементы. Исследование ритуалов и жертв увлечет Мосса на долгие годы, и к дарообмену он отправится именно с его берегов. В отличие от Малиновского, который первоначально и стремился изучать экономические отношения, Мосс сперва обратил внимание на реципрокность, взаимность обмена в сообществе в случаях религиозных ритуалов. Во многом поэтому в его работах дарообмен часто напоминал ритуал жертвоприношения, а акцент смещался с социально-экономической на религиозную и символическую стороны обмена дарами. Возможно, здесь же стоит искать истоки внимания, которое Мосс уделял не обмену, а уничтожению даров в ходе потлача. Подробнее об этом мы поговорим во второй части этой главы, где рассмотрим главную работу Мосса о реципрокности — «Очерк о даре».

Параллельно с научной началась и политическая деятельность Мосса. Вспоминая свою юность, Мосс писал о том, что три фигуры оказали на него наибольшее влияние: уже знакомые нам Дюркгейм и Леви, и один из лидеров социалистов Жан Жорес. Еще в Бордо Мосс вступил в партию *Parti Ouvrier Francis* («Французская рабочая партия»), а в Париже только глубже погрузился в течение социализма, расцветавшее в то время в интеллектуальных кругах французской столицы. В 1898 году, пока Мосс и Юбер готовили свое исследование жертвоприношения в индуизме и иудаизме, грянуло дело Дрейфуса — громкий политический процесс во Франции, ставший для многих символом нараставшего антисемитизма. Для Мосса и Дюркгейма это дело стало поворотным моментом, заставившим обратить внимание на практические приложения их теорий об истории развитии общества, коллективных представлениях и противостоянии человека и социума. Увлеченность социализмом проследует с Моссом через всю жизнь, и его научные интересы будут плотно спаяны с политическими взглядами. Однако не стоит представлять себе Мосса на баррикадах революционных протестов. Его поддержка идей социализма воплощалась в основном в трех областях: образовании, кооперативах и науке.

Во-первых, многие молодые ученые той поры, и Мосс в их первых рядах, считали, что социализм необходимо продвигать не мечом,

а пером, всячески обучая и образовывая будущих сопартийцев. Для этого, в частности, при издательстве «*Société Nouvelle de Librairie et d'Édition*» («Новое книжное и издательское общество»), возглавляемом Люсьеном Герром, была создана социалистическая школа для рабочих, в которой преподавали Мосс, Фоконе, Симианд и многие другие. Согласно их задумке, стоило людям узнать достаточно много о социализме, разобраться, с помощью социологии, в его сути, как они без лишнего промедления примкнут к движению. Школа тесно сотрудничала с журналом «Социалистическое движение», чьим управляющим редактором был внук Карла Маркса, а директором — Юбер Лагардель, один из самых видных социалистов той поры. Мосс писал для журнала несколько лет, однако порвал с ним все связи после того, как журнал переориентировался с социализма в целом на практически один марксизм и стал всё чаще подчеркивать необходимость революционных действий. Сам Мосс с сомнением относился к концепции революции. Примерно в это же время он отправился в короткую научную поездку в Россию, планируя, кроме исследования этнографических музеев империи, донести до революционеров 1905 года слова поддержки французского лидера социализма Жореса. Но стоило Моссу добраться до России, как Николай II распустил Думу, ситуация накалилась, и, вопреки всем замыслам Жореса, верный друг Юбер немедленно послал Моссу короткую телеграмму: «Возвращайся»³⁶. Поездка не продлилась и двух недель, теория столкнулась с практикой, и столкновение, очевидно, внушило Моссу отвращение к самой идее революции. На протяжении своей жизни он продолжил поддерживать идеалы социализма, однако выступал резко против насилия.

Во-вторых, одним из наиболее привлекательных прикладных элементов социализма Мосс считал кооперативы. Во время своей поездки в Англию он был совершенно очарован профсоюзными и кооперативными движениями на Туманном Альбионе, и особенно сильное впечатление на него произвела идея потребительских кооперативов. На взгляд Мосса, именно они могли стать рабочей альтернативой на-

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Формальное знакомство	5
Рождение науки как преступление	9
Часть 1. Отцы-основатели	15
ГЛАВА 1 Бронислав Малиновский и рождение полевой экономической антропологии	17
Малиновский и аргонавты	33
ГЛАВА 2 Марсель Мосс и рождение французской школы экономической антропологии	59
Дар Марселя Мосса	75

Часть 2. Экономическая антропология выходит в свет	103
ГЛАВА 3 Карл Поланьи и проблема метода	105
ГЛАВА 4 Общество первоначального изобилия Маршалла Салинза	136
ГЛАВА 5 Жан Бодрийяр и бегство в мир знаков	180
Побег в мир знаков	180
Экономическая антропология общества потребления	208
Часть 3. Золотой век экономической антропологии	227
ГЛАВА 6 О дивный, новый мир благ Дуглас и Ишервуда	229
ГЛАВА 7 Политическая экономия Криса Грегори	266
ГЛАВА 8 Пьер Бурдьё выходит на поле	298
ГЛАВА 9 Ценности Дэвида Гребера	340
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	380